

нографических работах с рассуждениями автора, обзором параллельного материала, цифровыми данными и т. п. Книга Г. П. Снесарева, прекрасно передающая особый колорит узбекского Хорезма, лишней раз напоминает нам о настоятельной необходимости повышать и совершенствовать культуру этнографического описания.

Жанр, которым мастерски овладел Г. П. Снесарев, имеет все права на будущее и по другой причине. В наши дни, когда объем научной информации чудовищно возрос, проблема наиболее экономичных способов приобщения к знаниям приобретает особое значение. Нечего и говорить о массовом читателе — специалисту тоже легче освоить беллетристический очерк, чем «научообразно» написанную статью. К сожалению, наряду с явной тенденцией к популяризации науки современная этнография не избежала влияния моды на не оправданную существом дела новую терминологию, подобную той, которую высмеял еще В. И. Ленин в своем бессмертном труде «Материализм и эмпириокритицизм». Новые термины заимствуются из иностранных языков, хотя и имеют точное соответствие в русском языке, и нагромождение их в научной работе заметно затрудняет понимание текста для тех, кто не считает нужным употреблять искусственно создаваемый узким кругом специалистов жаргон. Г. П. Снесарев книгой «Под небом Хорезма» вновь убедительно показал, что о сложных научных проблемах и о своей работе ученый-этнограф может рассказать просто и увлекательно.

В книге Г. П. Снесарева подробно освещены условия и методы работы этнографа среди населения. Даже сложившийся специалист, который уже давно ведет самостоятельные полевые исследования, сможет немало полезного почерпнуть для себя из богатого опыта автора. Что касается массового читателя, привыкшего с должным пониманием относиться к трудностям экспедиционных работ археологов, но с этнографией все еще знакомого недостаточно хорошо, то для него книга «Под небом Хорезма» открывает необычный мир интереснейшей профессии этнографа — профессии беспокойной и утомительной, но богатой неожиданными встречами, яркими впечатлениями и захватывающей романтикой научного поиска. Нет сомнения, что книга «Под небом Хорезма» будет признана одним из лучших образцов популярной этнографической литературы.

Работы Г. П. Снесарева давно привлекли к себе внимание зарубежных этнографов. И его первая книга, и другие публикации — даже небольшая статья в журнале «Наука и религия», явившаяся начальным вариантом главы «Вольнодумцы с развалин древнего Кята», — переведены на английский язык¹. Хочется увидеть переведенной на иностранные языки и книгу «Под небом Хорезма», ибо она относится к числу работ, которые следует распространять за рубежом для пропаганды достижений нашей науки.

В. Н. Басилов

¹ Переводы глав книги Г. П. Снесарева «Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969) публикуются в «Soviet Anthropology and archeology», (New York), начиная с т. IX, № 3, 1970—71. Его статья «На развалинах древнего Кята» («Наука и религия», 1971, № 2) опубликована также в «Soviet anthropology and archeology», vol. X, No. 2, 1971.

Н. В. Новиков. Павел Васильевич Шейн. Минск, 1972, 222 стр.

Рецензируемая работа, выпущенная в свет минским издательством «Вышэйшая школа», посвящена жизни и деятельности Павла Васильевича Шейна (1826—1900) — собирателя и издателя русского и белорусского фольклора. В книге использован большой рукописный материал (письма, дневники, записи фольклора), что придает особую убедительность и свежесть исследованию.

Несмотря на то, что о П. В. Шейне писали такие авторитетные исследователи, как Н. И. Костомаров, В. Ф. Миллер, А. Е. Грузинский, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Е. Ф. Карский, М. К. Азадовский и др., мы до сих пор не имели достаточно полного и объективного освещения интересной, многообразной и плодотворной деятельности ученого, около 50 лет собиравшего русский и белорусский фольклор.

Рисуя сложный и противоречивый жизненный путь П. В. Шейна, Новиков не идеализирует его, указывая, что лишь в отдельные периоды своей жизни П. В. Шейн разделял демократические идеи, и убедительно показывает, что «по характеру воззрений, подходу к науке и собирательскому труду он более близок к таким деятелям русской культуры, как В. И. Даль».

Сборники П. В. Шейна «Русские народные песни» (1870 г.) и «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях верованиях, сказках, легендах и т. п.» (1898—1900 гг.) принадлежат, наравне со знаменитыми сборниками П. В. Киреевского, А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, к золотому фонду фольклористики; ни один исследователь русского фольклора не может пройти мимо них.

Н. В. Новиков знакомит читателя с историей создания сборника «Русские народные песни», раскрывает его научное значение, рассматривает многочисленные отклики на него ученых и писателей, показывает, как на отборе песен и методике их подачи

отразились теоретические взгляды составителя. Используя одну из неопубликованных работ П. В. Шейна, Н. В. Новиков устанавливает влияние на него мифологической теории Ф. И. Буслаева, которого П. В. Шейн считал «главным истолкователем и руководителем в деле изучения народности»¹. Вместе с тем Н. В. Новиков указывает, что в ряде вопросов П. В. Шейн, под влиянием современной ему передовой литературы и фольклористики, идет дальше своего учителя и приходит к мысли, что для «полного разумения жизни народа необходимо познакомиться с его биографией, т. е. со взглядом его на самого себя, со всеми его чувствами, понятиями, с его мировоззрением, выразившимся в памятниках языка и поэзии, т. е. в сказках, легендах, загадках, пословицах, поверьях и песнях»².

Путем тщательного текстологического исследования Н. В. Новикову удалось показать, что социально-политическое звучание опубликованных Шейном песен было значительно ослаблено вмешательством цензуры.

Анализируя знаменитый сборник П. В. Шейна «Великорусс...», автор монографии справедливо подчеркивает, что к 90-м годам собрание П. В. Шейна, в которое, кроме записей составителя, вошли материалы, присланные многочисленными его корреспондентами из разных губерний России, приобрело общерусский характер. В целом высоко оценивая «Великорусса...», Н. В. Новиков отмечает и недостатки труда Шейна: «„Великорусс“, начиная с посвящения и кончая примечаниями, пронизан тем расплывчатым, мелкобуржуазным мировоззрением, которое особенно характерно для П. В. Шейна 80—90-х годов»³. Сообщая о песнях, сохранившихся в архиве П. В. Шейна, но не вошедших в его сборник, Новиков приходит к выводу, что собиратель включил в него «песни, наиболее безобидные по содержанию и менее всего затрагивающие злободневные политические и другие вопросы»⁴. Думается, что причина этого кроется не только в убеждениях Шейна, но определяется и эпохой, необходимостью считаться с цензурными ограничениями.

Исключительно внимательно анализируя тексты сборника, опровергая укоренившееся в науке мнение, что «Великорусс...» образцов в текстологическом отношении, Н. В. Новиков вместе с тем убедительно доказывает, что при всех указанных им недостатках «он занимает большое место в истории русской культуры»⁵, недаром А. М. Горький рекомендовал его молодым писателям в целях познания богатств русского языка.

Автор монографии столь же обоснованно показал, что меньшую роль, чем в собрании русской песни, П. В. Шейн сыграл и в деле собирания и публикации белорусского фольклора.

Переехав в 1867 г. в Витебск, П. В. Шейн, будучи уже известным собирателем русского фольклора, сразу принялся с помощью сети корреспондентов за собирание белорусского фольклора. Успех начатой исследователем работы во многом определяла разработанная им программа, в которой давались методические указания собирателям. Программа эта была одной из первых в России по собиранию фольклора. Сборник «Белорусские народные песни» (1871), в основу которого легли материалы, собранные по этой программе, несомненно стоял намного выше предшествовавших ему и был отмечен Уваровской «полупремией».

В 1877—1878 гг. П. В. Шейн по поручению Российской Академии наук совершил длительную поездку по Белоруссии. Целью его научной командировки был сбор языковых данных для определения характерных черт «белорусского наречия» и получение доказательств, что в нем сохранились древние черты, важные для истории русского языка. Он хотел также с «языковой стороны» проверить тексты, опубликованные в сборнике «Белорусские народные песни». Материалы, собранные П. В. Шейном, легли в основу многолетнего труда «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Подходя исключительно строго и требовательно к этому труду Шейна, Н. В. Новиков подвергает его тщательному текстологическому анализу, привлекая архивные материалы. Вскрывая ряд недостатков сборника, Новиков вместе с тем показывает и его большое научное значение.

«Значение трудов Шейна,— пишет Н. В. Новиков, подводя итог исследованию,— могло быть несравненно выше, если бы во взглядах на народ собиратель придерживался передовых позиций и с большей требовательностью подходил к своей собирательско-издательской деятельности»⁶. Это бесспорно, но, может быть, не стоит гадать, каким бы мог быть П. В. Шейн, а удовлетвориться сознанием, что он был самоотверженным тружеником, собравшим огромные богатства народного слова, создавшим монументальные памятники народного творчества.

Последняя глава монографии Н. В. Новикова посвящена исключительно важному вопросу — роли в создании сборников Шейна его русских и белорусских корреспондентов.

¹ Н. В. Новиков, П. В. Шейн, Минск, 1972, стр. 54.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 104.

⁶ Там же, стр. 185.

Общеизвестно, что П. В. Шейн работал с помощью многочисленных корреспондентов, очень различных по своей подготовке, интересам, социальному положению, степени заинтересованности в работе. Эта группа учащихся (гимназисты, семинаристы, ученики сельских и народных училищ), группа «официальных» корреспондентов (учителя, волостные писаря, старшины) и, наконец, группа, по терминологии П. В. Шейна, «столбовых» корреспондентов, многие из которых работали с ним в течение ряда лет. Среди них поэт и собиратель Д. Н. Садовников, собиратель Н. А. Иваницкий, книгоноша А. П. Кузнецов, учительница А. А. Мясоедова, поэт-самоучка И. И. Акугин и многие другие.

Среди белорусских корреспондентов П. В. Шейна особые заслуги в создании сборников принадлежат Н. Я. Никифоровскому, А. Е. Богдановичу, И. О. Карскому, Н. Яцко, С. Н. Рачинской, М. А. Дурову.

В результате упорных архивных разысканий, изучения корреспонденций, записных книжек, оригиналов записей автор монографии дает подробные сведения о каждом из помощников П. В. Шейна, принадлежавших «к тем незаметным скромным людям, самоотверженный труд которых способствовал движению вперед русской науки, русской фольклористики»⁷.

Н. В. Новиков, несомненно, правильно расценивает значение корреспондентов как огромной движущей силы всех начинаний исследователя. «Только благодаря корреспондентам, — пишет он, — их энергии и добровольной помощи П. В. Шейну удалось собрать и опубликовать обширные и большой научной ценности материалы и самому занять видное место в истории отечественной фольклористики и этнографии»⁸.

Монографию завершает «Библиография», включающая: 1) печатные работы П. В. Шейна; 2) литературу о П. В. Шейне и «Примечания», которые не только свидетельствуют о глубине и широте исследования Н. В. Новикова, но и дают интереснейшие дополнительные сведения о Шейне, его современниках, а также уточняют сведения о корреспонденте и его корреспондентах, приводившиеся в трудах предшественников автора монографии.

Книга Н. В. Новикова — результат многолетних изысканий. Ей предшествовал ряд статей, опубликованных в «Русском фольклоре» и «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», а также диссертация автора рецензируемой книги о Шейне.

Э. В. Померанцева

⁷ Н. В. Новиков, Указ. раб., стр. 185.

⁸ Там же, стр. 186.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ю. В. Иванова. Северная Албания в XIX — начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973, 256 стр.

Народная Республика Албания — одна из наименее изученных в этнографическом отношении европейских стран. Тем более высоко надо оценить солидную монографию Ю. В. Ивановой, которая посвящена одной из сложнейших и интереснейших проблем — исторической структуре общества горцев в северных областях страны — наиболее замкнутой части ее населения. В социально-экономическом укладе горцев Северной Албании до недавних дней сохранялись глубоко архаические явления, аналогичные тем, которые существовали во многих странах Европы в раннее средневековье. И именно это делает книгу Ю. В. Ивановой особенно ценной для историка и этнографа: она проясняет на конкретном и живом материале некоторые недостаточно изученные стороны сложного процесса перерастания общинно-родового доклассового строя в раннеклассовое общество.

Автором использована едва ли не вся имеющаяся историко-этнографическая литература об Албании, использованы и документы, хранящиеся в архивах СССР, НРА, СФРЮ. Ю. В. Иванова имела также возможность провести несколько сезонов полевых исследований в Албании (1956, 1958 гг.), собрав ценную информацию от стариков, помнивших прежние порядки, и наблюдая некоторые из старинных обычаев еще в живом быту.

В наиболее полном виде нормы обычного права, отражавшего традиционную общественную структуру, изложены в ценнейшем источнике — «Кануне Лека Дукагини»,